

## № 66 (426) ПРО СЕСТРУ, БРАТА И ЗЛУЮ ЖЕНУ

Жили братец с сестрой. Родители у их помёрли, ўот и жили они ўдвух. Ён охотиться ходил, а дом на ёй был.

Пришла пора братцу жаниться. Ён сестре-то своей говорить, мол, я жанюся, но забижать тябя никому ня дам, с нам жить будешь. Яна-то, сястрица, умная была, яна и сказала, что нет, ня буду с вам жить, мяшать ня буду, ты тока поставь мне избушку у поле – я тама и посялюся, а ты заходи почашше, ня забывай.

Ну, так и стало: брат жанивши (а жанивши ён был на ведьминой дочке), а сестра онна-одинёшинька у своём дому живеть. Но брат яе ня забывал, каждый божий день к ёй захаживал и долго с ёй сидел, домой ня йшёл. А жана яво сястрицу-то ету нявзлюбивши, ой, как нявзлюбивши была! Яна и мужуку своему ўсё шаптала, мол ня ходи туды, а ён ня слушал и йшёл.

Раз брат уехавши был далёк, а жёнка яво возьми да руку собе разрежь. Брат вярнулси, а яна с порога:

– Глянь-к, что твоя сястрица любимая наделала: с ножом на мяня бросалася!

Брат пойшёл к сестре, она к яму кинулася:

– Братик мой милай, как я по тябе соскучала!

Ну, ён посидел у ёй, а потом и домой пойшёл, ничаво ня сказавши.

Потом брат опять отлучалси. А жёнка явоная ўсих овец выпустила, тые ўси убегли, а как мужик-то приехал, сказала ўсё на сестру явоную.

Ён снова к сестре сунувшись был, да ня сказал и слова про овец етых проклятых. Жёнка ишшо пушшэ злиться стала.

Опять ён собралси, а жана, пока ён ездил, сынка-то йихнего ўзяла, да камушком головку пробилла. Ён и помёр. А как брат прийшёл, сказала, мол, прибегла сястрица твоя ронная, сумашеччая ўся, сынку-то головку и пробилла. Говорить:

– Что, и тяперь к сестре побяжишь, к убивице етой?

Ну, брат ня стярпел, ўзял топор и пойшёл к сестре. Она кинулася яму на ўстречу, ён ўзял яе за руки, да руки-то и обрубил. И прогнал яе.

Яна пошла, одна-одинёшенька, долго йшла. Потом яблоньку увидала, ничейная вроде, стала яблок рвать, а – никак, рук-то в ей нет! Тогда яна ртом взяла, сорвала яблочко и пошла, заплакавши. На другой день ўсё поўторилось, на третий тож.

А яблонька тая была царская. Царь, узнаўши, что яблоки на ей пропадают, наказал дяжурить ўсим. А никто ня углядел. Царь ряшил тогда и сам дяжурить, пришёл ў сад, лёг, стал дожидать. Ў полночь увидал девку, да такую красивунную, што позвал к себе, просил жаной яму быть. Тая и согласилася.

И жили долго и счасливо. А потом царь на войну стал собираться, а жана явоная уж дитё под сердцем носила. Ён ўсем наказал, мол, нясите мне вести, как и что.

Царица бязрукая родила, а родила двойнят\*! И собрали гонца к яму, ну, к царю. И царица тая яму говорить, мол, ночуй ў поле ў доме, тока дзьверь запри, чтоб никто ня явивши был.

А ён и забыл, а золоўка-т свет увидала да примчалася. Ну, ён и сказал ёй, что счастье такое случилось. А спать лёг, тая у яво письмо онное вытянула, а своё сунула, где написан, мол, жана яму, царю, котят родила.

Царь письмо тое прочитал, написал ответ, мол, вярнуся скоро, дожидайте. А гонец-то опять ў том дому ночевал, опять дочка ведьмина письмо омменила.

Привёз гонец письмо, а там!.. Там написан, чтоб детишек умертвили уместе с матерью йихной.

Ну, что ж делать-то? Мальчишечку оннова ў хлеў кинули, думали, быки забодають, а яны на рога понняли мальчика и качають: «Спи, царёк, бяз матушки, дожидавши батюшку!»

Другого мальчика ў воду кинули, а рыбы яво пожалели, стали на воде качать: «Спи, царёк, бяз матушки, дожидавши батюшку!»

А царица тая пошла у лес. Грудь-т у ей разболелася, села яна на пенёк, заплакавши. Ўдруг подлятел к ей журавель и ставши молоко с онной груди пить, напилси, а яна глядь! – у ей рука онна выросши. И с другой стороны прибег лев, молоко с другой груди пьеть, глядь! – и тая рука у ей выросши! А журавель с тым львом ў людей обратилися, и сказали оны ей,

как йих ведьма так оборотила, что пока молока грудного не попьють, людям ня стануть.

И пойшли еты ўтрѣх\* у лесную чашшу, а там замок стойить: тые два принцами были, пока йих ведьма ня оборотила. И стали тама жить.

А царь воротилси домой, как узнал, что жану яво и детушек бесъчесно умертьвили, чуть разума ня лишивши был. Яму рассказали, что дети яво живыя, а жана ушеччи, куды глаза глядят. Ён мальчонков-то своих расцаловал и поехал по свету жану искать.

Долго ён ехал, йискал, приехал ў лес, тьмно уж, видить: огонѣк горить, едет дальше: ет замок! Ён постучалси, яво ўпустили, обогрели, ён глядь, а яду на стол носить девушка красивунная! И на жану явоную похожа, да только у етой руки на месте. Ён на ее смотревши и заплакал.

А девушка тая яво пожалела, говорить, мол, ня плачь, я тебе сказку скажу. Жили брат с сьстрицей, да брат жанилси, а сноха невзьлюбивши сьстру была, наклевятала, брат ей руки и поотрубал, сьстрица пойшла, куды глаза глядеть, да не умерла, Бог миловал, царицей стала. А царю злые люди сказали няправду, ён царицу с детками убить наказал, а деток звери дикие – и те пожалели, а у царицы руки выросли.

Царь заплакал йишшо пушшэ, упал пред ей на колени, говорить:

– Я понял ўсѣ, прости мяня! Мяня омманули, тябя омманули... А ўсѣ ета ведьмина дочка!

И приказал царь ету злодейку привязать к хвостам кобылиц и пустить тех ўскачь, чтоб они ее разорвали.

А сам с жаной и рябятam своим стал жить долго и счасливо. А принц-Журавель и принц-Лев у йих частенько у гостях бывали.